

ИЗ ПОЭЗИИ — В МУЗЫКУ

ОРАТОРИЮ эту композитор назвал «Николоз Бараташвили». Она вдохновлена пламенной поэзией великого грузинского поэта и через его творчество раскрывает нам облик Бараташвили, воплощает этот облик средствами музыкального искусства.

Задача трудная. Трудная не только потому, что воссоздание образов гениальных средствами иного искусства, «перетранспонировка» их в иной образный ряд, несмотря на увлекательную заманчивость, всегда требует от автора всеоружия таланта и мастерства. Ведь он должен стать вровень со своим «образным первоисточником». Иначе — разжиженный повтор или вольные импровизации по поводу». Перевести образы Николоза Бараташвили в сферу музыки было сложно еще и в силу того, что поэзия знаменитого автора «Мерани» и «Судеб Грузии» органически соединяет глубочайшую народную почвенность, неповторимое национальное своеобразие с масштабностью чувств и мыслей общечеловеческих. Первое невольно тянет композитора на увлечение прежде всего сферой народной песенности. Второе требует включения в интернациональную сферу мирового симфонизма (коль скоро избран симфонический жанр). И характерно, что задача диалектического единения того и другого оказалась решенной применительно к поэзии Бараташвили именно в наши дни, когда в советской музыке раскрывается все полнее ее многонациональный характер, когда понятие народности, национальной почвенности искусства трактуется все более глубоко.

Пять частей оратории «Николоз Бараташвили» озаглавлены композитором — «Воспоминания», «Таинственный голос», «У Александра Чавчавадзе», «Сумерки на Мтацминде» и «Мерани». «Воспоминания» повествуют о трагической любви юноши-поэта. Вторая часть посвящена размышлениям его о своем творческом призвании. Третья представляет собой по содержанию своеобразную динамическую репризу первой, поскольку, рассказывая о неразделенной любви Николоза Бараташвили к дочери знаменитого поэта и общественного деятеля той поры Александра Чавчавадзе Екатерине, выводит слушателя в то же время из сферы любовной лирики в область чувств граждански общественных. Опоэтизированный образ родины возникает в четвертой части. Финал оратории — бурный, страстный до экзатичности порыв к творческому действию, с такой поразительной силой воплощенный в знаменитом «Мерани» Бараташвили.

Это лишь самый общий пересказ тематического содержания оратории. Но делать его более детальным затруднительно, да и не нужно, ибо композитор здесь мыслит в соответствии с природой жанра обобщенно, мыслит образами масштабными-объемными, а не детально выписанными.

Пора, однако, назвать фамилию автора оратории. Это Отар Тактакишвили. Известный мастер грузинской советской музыки сделал в «Николозе Бараташвили» новый качественный скачок. Большой яркий талант его находится сейчас в пору расцвета. Чем можно это аргументировать?

В новой оратории с какой-то осязаемой скульптурной выпуклостью раскрылись характерные черты дарования композитора, кристаллизовавшиеся на протяжении двух десятилетий его творческого пути. Это прежде всего обостренная интонационная активность композиторского слуха. Мне уже не раз приходилось отмечать, что музыка Отара Тактакишвили всегда живая. Слушая ее, трудно отделиться от впечатления, что она рождается сейчас, на ваших глазах. В «Николозе Бараташвили» это чувствуешь с особой силой. Сурово-величавые аккорды хора, пленительное полифоническое кружево сплетающихся, опевающих один другого подголосков музыкальной ткани партии вокального ансамбля «Горделла», могучие динами-

ческие взрывы оркестровых туппи и как бы парящие в воздухе скрипичные соло, пламенные речитации солиста-тенора, в которых так великолепно звучал серебристо-звонкий голос Зураба Анджапаридзе, — все это рождено мыслью яркой и сильной. Никаких звуковых рамплиссажей и заполнения оркестрово-хоровой фактуры «общими звукоформулами симфонизма», без чего, как известно, обходится лишь редкие сочинения!

Далее. Таланту Отара Тактакишвили свойственна прочная уверенность в выразительной силе мелодии и понимании ее прежде всего и главным образом как вокального напева. Он глубоко чувствует некую «изначальную вокальность» каждой мелодической интонации. И потому-то интонации эти у него столь образно-ярки и как-то по-особому весомы.

Еще одно, чрезвычайно существенное. Отара Тактакишвили всегда отличало стремление одновременно к грузинскому народному мелосу и широкой палитре средств мирового симфонизма. Органичность единения того и другого в оратории всепроникающе-многообразна в самом полном и точном смысле слова, что в данном случае особенно важно. Эта партитура написана рукой мастера, великолепно знающего сокровища родной песенности (вся партия хора и особенно мужского вокального септета и солиста-тенора — прекрасный пример того) и свободно, уверенно оперирующего всеми красками многообразной палитры современного симфонизма. Очень ярко подтверждают последнее, в частности, неудержимо стремительные и торжественно-апофеозные эпизоды последних частей.

К слову говоря, цезуры между частями в оратории воспринимаются с трудом. Может быть, это связано с тем, что в сочинении недостаточно вариативных повторов ключевых музыкальных образов — тех «интонационных арок», которые считал столь важными в цементировании формы симфонического целого академик Б. Асафьев. Музыка оратории, несмотря на всю контрастность, ощущается как единый поток. Но отчасти это, видимо, связано с динамически-импульсивным непрерывным действием эффекта «сиюминутного» рождения музыкальных образов.

ЭФФЕКТ ЭТОТ, кстати, подлинно мастерски «претворял в жизнь» композитор, сам дирижировавший ораторией. Дирижировал Отар Тактакишвили прекрасно, как настоящий дирижер-профессионал, что, будем откровенны, среди его коллег встречается отнюдь не всегда. Большой симфонический оркестр и Большой хор Всесоюзного радио и телевидения звучали под его управлением превосходно — безупречно интонируя каждую фразу, темпераментно, с волевым напором воплощая драматургию образов в их развитии. Органично вписался в симфонически хоровую ткань вокальный ансамбль «Горделла». Особо следует сказать о чрезвычайном мастерстве Большого хора Всесоюзного радио и телевидения. Этим замечательным коллективом уже много лет руководит один из крупнейших советских хороших дирижеров Клавдий Птица. На днях общественность отметила шестидесятилетие этого выдающегося музыканта. Премьерное исполнение оратории «Николоз Бараташвили» еще раз подтвердило, что Клавдий Птица находится в расцвете сил, а руководимый им хор — в прекрасной творческой форме.

Оратория О. Тактакишвили исполнялась 7 февраля в Колонном зале Дома союзов. В первом отделении концерта были сыграны «Картинки с выставки» Мусоргского (в инструментовке Равеля). Дирижировал Неэме Ярви. Дирижировал темпераментно и с точным ощущением как стилистики «первоисточника», так и оркестровой модификации его. Большой симфонический оркестр Всесоюзного радио и телевидения чутко реализовал исполнительскую концепцию дирижера.

Ин. ПОПОВ.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

11 ФЕВ 1971